

Сергей Николаевич Булгаков

Сергей Николаевич Булгаков (1871–1944) — русский философ, богослов, экономист. В 1894 г. С. Н. Булгаков окончил экономическое отделение юридического факультета Московского университета. С 1897 г. он преподавал политэкономии и статистику в Московском техническом училище. В 1898 г. по направлению Московского университета стажировался в Германии, Англии и Франции, где по плану профессора А. И. Чупрова занимался историей аграрного вопроса в Европе. Там он знакомится с лидерами западной социал-демократии, как о ее надежде и «будущем Плеханове» отзываясь о нем К. Каутский. В 1901 г. С. Н. Булгаков защитил в Московском университете диссертацию на степень магистра и стал ординарным профессором кафедры политэкономии Киевского политехнического института, а в 1906 г. вернулся в Московский университет.

Статья представляет собой введение в «Краткий очерк политической экономии», вышедший в Москве в Типографии А. П. Поплавского в 1906 г. С. Н. Булгаков начал читать курс политэкономии в Московском университете, и очерк представляет собой, по словам автора, «краткое извлечение из лекций». В предлагаемой работе речь идет о задачах политэкономии, ее познавательных возможностях и границах.

ВВЕДЕНИЕ В «КРАТКИЙ ОЧЕРК ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ»¹

§ 1. Понятие о народном богатстве

Политическая (или социальная, или общественная) экономия обнимает совокупность систематизированных, упорядоченных наблюдений над хозяйственной жизнью народов и условиями ее развития и процветания. Не нужно особо доказывать, в какой материальной зависимости от природы находится человек с тех самых пор, как, отчужденный благодаря греху от природы, он живет в «земле проклятия» и «в поте лица своего ест хлеб свой». Самая необходимость «хозяйственной» деятельности в теперешнем смысле слова, вся нужда и горе, проистекающие из такого отношения человека к природе, с религиозной точки зрения есть следствие коренных нравственных причин, определивших отношение человека к обрабатываемой им земле, которая из любовно возделываемого сада превратилась в арену борьбы за существование, и в этой борьбе человеку приходится отвоевывать у чуждых или отчужденных от него стихий природы каждый день своей жизни. То, что мы теперь называем хозяйственной деятельностью, — труд в поте лица, тяжелый и угнетающий, — есть следствие этого первоначального извращения отношения человека к природе, разрыва связи между ним и природой. И эту внутреннюю, изнутри и надорванную, связь человечеству в истории приходится восстанавливать внешними средствами: тя-

¹ Текст подготовлен к печати Лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

желым трудом, рабством стихиям мира, единоличным и общественным хозяйством. Хозяйственная деятельность в этом смысле есть зло и плен, но, пока мы находимся еще в плену у греха, пока вся стенающая тварь, тоже ждущая откровения славы сынов Божьих, не освободилась от состояния взаимной разрозненности и отчуждения в отношении к своему царю-человеку, до тех пор эта деятельность остается горькой необходимостью и всемирно исторической силой.

Человек находится в плену у природы, у мертвых ее стихий, он должен отвоевывать у нее достойное существование, при котором не только поддерживалась бы физическая жизнь, но отображался бы и образ Божий в человеке, проявляла бы себя свободная человеческая личность, бывший царь природы. Человек и историческое человечество стремится к свободе от плена, к возвращению потерянного им достоинства царя природы и к восстановлению первоначальной интимной связи, взаимопроникновения с природой, о котором он не может забыть. И путь к этому освобождению, естественно открывающийся перед человечеством, есть труд в поте лица, есть трудовая хозяйственная деятельность, направленная к подчинению природы человеку путем увеличения народного богатства. Нищий и голый человек, находящийся в плену природы, освобождается от этого плена, становясь богатым и могущественным. Создание и накопление так называемого народного богатства есть путь освобождения от власти природы, следовательно, изначальной эмансипации человека. Условное название «народное богатство», употребительное в политической экономии, вызывает недоумение вследствие смешения этого понятия с понятием богатства личного, между тем как это разные вещи. Народное богатство состоит из совокупности полезных и нужных для человека предметов из числа тех, которые он должен производить своим трудом, причем здесь разумеется не только наличность обладания этими предметами, но и возможность их воспроизведения, следовательно, имеется в виду вообще достигнутая мощь человеческого гения в борьбе с природой. Чем высшая ступень народного богатства достигнута данным народом, чем больше он владеет природой, вырывая у нее ее производительные силы, тем большей свободы от ее власти достиг он при этом. Рост народного богатства в этом смысле есть прогресс внешней человеческой свободы, и наука о народном богатстве, или политическая экономия, в этом смысле есть наука, изучающая условия освобождения человека от рабства природе. И так как христиане и христианское человечество призваны быть свободными, ибо только свободный, и, в частности, свободный и от принудительной власти природы, человек может осуществить свое историческое призвание, то общая задача политической экономии должна быть признана соответствующей требованиям христианского прогресса.

Но этими словами могут возбуждаться вполне естественные и законные сомнения, и потому должны быть сделаны существенные оговорки. Рост богатства, увеличивающий силы человека и пробивающий стену отчуждения между человеком и природой, есть только отрицательное условие для духовной жизни человека, он создает для него более широкие возможности духовной жизни, открывает перед ним новые широкие перспективы, но не решает за него, не предопределяет того употребления, которое сделает из них единичный человек и совокупное человечество. Оно может воспользоваться этой свободой как

условием духовного роста, как путем ко Христу, но может употребить ее и совершенно иначе, впад в духовное искушение или от самомнения, питаемого сознанием своих успехов, или от грубого плотского соблазна роскоши, увеличения низменных, недуховных наслаждений жизнью; тем самым оно впадает в гораздо более глубокий и прочный духовный плен, нежели даже тот, от которого оно только что освободилось. Оно может при этом поверить в силу этих материальных успехов, в материальную цивилизацию больше, нежели в Бога и в бессмертную и свободную душу (как в распространенном учении так называемого экономического материализма). Рост народного богатства может явиться средством как высшего и сознательного утверждения человечества на пути добра, так и его глубочайшего падения. Но во всяком случае успехи материальной культуры служат условием духовного роста и духовной зрелости человечества, человек из слабого и беспомощного младенца становится зрелым и сознательным мужем, входит в меру возраста, что, очевидно, необходимо в целях богочеловеческого дела на земле, в целях Царства Божьего. И в этом, ограниченном и условном, смысле, рост народного богатства, экономический прогресс, необходим в целях Царства Божьего. Нельзя не признать, что наши железные дороги, телеграфы, телефоны, печатные станки, библиотеки, музеи, научные учреждения играют двойственную роль, увеличивают силы как добра, так и зла, но можно ли серьезно подумать и пожелать, чтобы теперешнее зрячее человечество снова погрузилось во тьму варварства и первобытной нищеты, в которой спит теперь не одна наша деревня! Современная техника и материальная культура стремятся к тому, чтобы сделать природу проницаемой, духовной, чтобы уничтожить преграду между человеческим духом и силами природы, и это одухотворение природы, которое окончательно совершится только в будущем веке, под новым небом и на новой земле, где восстановится первоначальное и должное отношение человека к природе, предвосхищается, как бы преобразуется в теперешней материальной культуре. Очевидно, что понятие народного богатства (и народной бедности), употребляемое нами, весьма отличается от понятий богатства и бедности в обычном, разговорном смысле, где под ними разумеется степень личного обладания и личной власти, между тем как народное богатство имеет в виду общие условия материального существования данного общества, степень власти над природой, ему принадлежащей. Богачи и бедняки могут существовать и встречаются при различном уровне народного богатства: могут быть богачи в совершенно бедной в народно-хозяйственном смысле стране, и может не быть их в стране очень богатой, если, например, в ней осуществлены социалистические схемы хозяйства. Поэтому, к тому, что мы разумеем, говоря о народном богатстве, не могут быть отнесены слова Спасителя, предостерегавшего от богатства и любостыжания. В соответственных местах Евангелия разумеется именно индивидуальное внутреннее отношение к личному богатству, соблазн богатством и обогащением, склонность больше чем следует полагаться на него и ради него забывать о высших своих духовных обязанностях и интересах; однако же должное, правильное личное отношение к богатству, духовная свобода от него может быть совершенно совместима с признанием необходимости экономического прогресса для всего человечества и, может быть, именно такие духовно свободные дея-

тели и являются наилучшими, бескорыстнейшими проводниками этого прогресса. Быть свободным от богатства, или, но крайней мере, обуздывать себя, свою похотливость и вести аскетическую борьбу со своими низшими инстинктами не значит еще идти против материальной культуры, а только предполагает лишь определенное, осторожное к ней отношение и соответственную умеренность в пользовании ею.

Равным образом не противоречит признанию необходимости экономической деятельности и вообще рационального ведения народного хозяйства, основанного прежде всего на предусмотрительном расчете, и запрещение пектись о завтрашнем дне, о пище и питии, сделанное Спасителем. Здесь, как и в предыдущем, заповедуется свобода от духовного плена и отягчения заботами и тревогами о своем материальном благополучии, но вовсе не запрещается, во-первых, забота о материальном благополучии других, а, во-вторых, и вообще хозяйственная деятельность, поскольку она является одной из форм полезного и для всех обязательного труда. Неужели возделывать землю в расчете на будущий урожай значит нарушать заповедь: не заботьтесь о завтрашнем дне? Или заблаговременно подвозить хлеб в голодающие местности? Или даже расчетливо вести свое собственное промышленное предприятие, с которым связаны интересы стольких людей, так или иначе от него зависящих? Вообще в Евангелии запрещается, по нашему пониманию, не хозяйственный расчет, без которого вообще невозможна и сама хозяйственная деятельность, а хозяйственное ослепление, та жадность и жестокость, благодаря которой замирает в человеке духовная его жизнь. Считаться же с суровой хозяйственной необходимостью и, следовательно, вести рационально личное, народное и государственное хозяйство не может быть запрещено в той книге, где сказано: «в поте лица твоего ешь хлеб твой», и еще: «кто не работает, не должен есть». Поэтому мы полагаем, что хозяйственная деятельность, как форма труда и вместе одно из творческих проявлений человеческого духа, не только не осуждается христианством, но, напротив, принципиальное пренебрежение хозяйственной стороной жизни, ложный аскетизм, является большим недостатком многих представителей современного христианства. Ибо в рамках хозяйственной деятельности и возникающих на почве ее отношений христианской совести ставятся очень многие и жгучие вопросы, отказываться от которых она не должна, под страхом впадения в грех лицемерия и черствого безучастия к человеческим страданиям. Поэтому во имя христианского долга надлежит прислушаться к голосу политической экономии и познакомиться с теми данными, которые дает эта наука.

§ 2. Задачи политической экономии

Борьбу с природой, работу, направленную на производство полезных и нужных для человека предметов (как обыкновенно говорится в политической экономии, благ или ценностей), человечество совершает, конечно, в определенной природной обстановке, под известными широтами, в известном климате и т.д. Эти естественные и географические условия влияют на характер и успешность производства и до известной степени определяют и направление производительного труда. Естественно, напр., что жители приморских областей окажутся,

скорее всего, успешными мореходцами и рыбаками, а жители горных областей — рудокопами и металлургами, а жители степных равнин — земледельцами и скотоводами. Отсутствие соответствующих естественных условий, конечно, исключает развитие одних отраслей труда и предрасполагает к другим. Однако в известных границах различие это сглаживается в истории, причем преобладающее значение приобретают условия чисто экономические. Как ни велико значение этих естественных условий, оно принадлежит скорее ведению географии, чем политической экономии. Для этой же последней основное значение имеет тот бесспорный и неустрашимый факт, что человек ведет свое хозяйство, прилагает труд к производству благ не в одиночку, но в общении с себе подобными. Производство благ есть дело общественное, а не единоличное. Даже там, где работник производит один с начала до конца весь данный предмет целиком, напр. земледelec — хлеб, кузнец — подкову и т.д., то и тогда между отдельными производителями существует незримая, но тем не менее действительная связь, своего рода взаимное страхование: земледelec может заниматься земледелием, не думая о кузнечном деле, о пряденье и т.д. только при том условии, если кузнец делает подковы в количестве, потребном не только для себя, но и для земледельца, если прядильщик будет производить пряжу не только для себя, но и для кузнеца, и для земледельца, наконец, если этот последний в свою очередь припашет хлеба не только для себя, но и для кузнеца. Словом, между ними существует то, что называется обычно разделением труда. Но разделение труда выражается не только в том, что отдельные блага готовятся различными работниками, принужденными так или иначе делиться между собою произведениями своего труда, но и в том, что одно и то же благо, прежде чем достигнуть того окончательного вида, в котором оно нужно и полезно человеку, проходит целый ряд рабочих рук, составляет предмет труда нескольких производителей. Напр., прежде чем могла получиться эта игла, одни рабочие должны были идти в подземные шахты и добывать руду, другие должны были переработать ее в сталь, третьи должны были придавать кусочкам стали форму заостренной иглы и т.д. Ряд работников, прямо или косвенно участвовавших в производстве многих товаров, необыкновенно длинен, прямо бесконечен в настоящее время. Если вы переберете все вещи, вас окружающие, то увидите, труд скольких лиц понадобится для того, чтобы создать данную скромную обстановку. Только Робинзон на необитаемом острове (и то до появления Пятницы и до того, как он сделал различные находки после кораблекрушения, представлявшие тоже результат труда очень многих работников) делал один все нужное для себя; обычно же хозяйственная деятельность осуществляет разделение труда между членами общества и в этом смысле является общественной. История знает не единоличный, но только общественный труд. Все человечество представляет собой одного или нескольких многоруких, многоглазых, многоголовых работников, которые — хорошо или плохо — но принуждены действовать как один, по одному общему плану, повинувшись одной общей воле. Таким образом, во всякой отрасли хозяйства, в каждом случае приложения полезного, производительного труда приходится различать две стороны: его технику — те приемы труда и орудия, которые здесь применяются, и его общественную организацию, т.е. способ соединения людей между собой для того, чтобы возможна

была эта отрасль производства. Вопросы техники в общем и отвлеченном виде, именно вопросы о том, как достигнуть данного производительного результата наилучшим и наиболее прямым путем, решаются научной технологией, которая опирается при этом на данные математических и точных наук. Но в жизни эти отвлеченные решения прилагаются только в определенной исторической и общественной обстановке. Если производительный труд необходимо применяется лишь в определенной общественной организации, то эта организация делает неприменимыми одни технические приемы, если они даже технически совершенны, или же вызывает изобретение и применение новых технических приемов, ей соответствующих. Вообще данный способ производства, данная организация производительного, технически целесообразного труда представляет собой нечто единое и слитное, и только в этом целом, в определенных конкретных условиях, и учитывается значение перемен, как в технике производства, так и в общественной его организации. Как нет единоличного производства, так нет и единолично применяемой техники. Народное хозяйство есть общественно-технический процесс, в развитии которого невозможно выделить и обособить технику от общественной организации, а последнюю от техники. Перемены в нем могут исходить одинаково со стороны как техники, так и общественной организации, но окончательный результат определяется тем своеобразным целым, которое представляет собой технико-общественный процесс народного хозяйства.

Политическая экономия подвергает систематическому изучению этот технико-общественный процесс народного хозяйства, стремясь установить те причины зависимости, которые существуют между разными сторонами этого процесса, и описать и точно классифицировать его разные формы. Политическая экономия есть историческая наука в том смысле, что она стремится описать и понять исторический факт общественного хозяйства и его развитие, как в прошлом, так и в настоящем. Она расширяет свое изучение внутрь и вглубь, стремясь охватить в нем возможно обширные исторические эпохи и разные области хозяйственной жизни нашего времени. Естественно перед ней ставятся при этом научные задачи двоякого рода: описание и установление фактов и причинное их объяснение. Что касается первой категории, то политическая экономия пользуется здесь теми приемами изучения, которые возможны и пригодны в каждом данном случае: исторические документы всякого рода, показания и наблюдения современников, а там, где можно, прямо массовый подсчет наиболее интересных явлений (это так называемый статистический метод). Нельзя указать какого-нибудь определенного метода, который бы был наиболее или единственно подходящим для данного случая. В удачном и успешном применении разных соответствующих данному случаю приемов и сказывается искусство и талант исследователя, причем одни предпочитают один метод, другие — другой. Особенным распространением в политической экономии пользуется статистический метод массового наблюдения, соблазнительный своей точностью, но именно потому ведущий и к наибольшему злоупотреблениям, ибо его действительная точность не всегда соответствует внешней. Описательный материал политической экономии, вообще говоря, разрастается не по дням, а по часам, скорее, нежели он успевает подвергаться окончательной научной обра-

ботке, и описательная литература политической экономии стала так велика, что полное знакомство с ней недоступно даже для специалиста.

Описанием не может исчерпываться задача научного изучения. Нужно не только устанавливать факты, но и понимать их смысл, их причинное соотношение, уметь классифицировать, устанавливать типические особенности и наблюдать единообразия и повторяемость явлений (это так называемые «законы» политической экономии). Трудно и здесь приурочить к каким-нибудь определенным научным приемам искусство исследователя. Как и во всяком живом деле, решающим является вдохновение, интуиция, догадка, а строгие доказательства и методическая их группировка нужны скорее для обоснования уже зародившейся мысли, чтобы сделать ее бесспорной и ясной и для других. При этом не закрыты, конечно, все обычные пути и способы мышления, и политическая экономия в этом отношении не представляет ничего специфического, так что длинные споры и трактаты о «методах» в политической экономии (и соответствующие главы в учебниках) ничего не дают и не вытесняют в этом вопросе и оказываются чаще всего недоразумением, объясняющимся слабостью общефилософской подготовки экономистов. Задача политэконома не ограничивается одним теоретическим изучением истории и современного состояния форм и фактов, причин и следствий из области хозяйственного быта. Политическая экономия принадлежит к числу прикладных наук, подобно технологии, медицине и под. В известном смысле она тоже есть социальная технология и должна вырабатывать практические нормы и указания для жизни, должна прописывать социальные рецепты, как медицина. Поэтому в состав задач, которые ставит себе политическая экономия, должно входить не только то, что есть, но и то, что должно быть, не только теория, но и практика или, как это называется, политика, экономическая и социальная. Если бы политическая экономия не задавалась этим вопросом, ради которого она только и существует как особая специальность, то она ничем бы не отличалась от общей исторической науки, именно той ее отрасли, которая с особенной внимательностью изучает экономический быт.

Если же политическая экономия ставит себе вопрос не только о том, что есть вопрос, на который одинаково должны ответить все беспристрастные исследователи, достаточно изучившие предмет, независимо от разницы общих своих мировоззрений, но и о том, что должно быть, то представления об этом долженствовании могут быть различны, в зависимости от различия общего руководящего идеала. Это различие идеалов обуславливается общим характером мировоззрения, т.е. прежде всего религиозного, а затем и социального, этического, эстетического (достаточно напомнить, в какой степени на экономических взглядах знаменитого английского писателя Дж. Рескина отразилось его эстетическое мировоззрение). Поэтому в силу возможности такого различия в общих и основных стремлениях человека единой политической экономии, включающей и определенную систему экономической и социальной политики, быть не может. При общности и бесспорности фактической и исторической ее частей, в области долженствования и политики могут начертываться различные пути: путь «буржуазный» или социалистический, языческий или христианский. Да, возможна и даже необходима и христианская политическая экономия, которая

ставит и разрешает вопросы экономической жизни при свете и в духе христианского учения. В отношении к общему христианскому учению она представляет собой нечто сродни прикладной этике, в которой даны, как бесспорные, общие религиозные основания, средства же для воплощения в практическую жизнь христианских заветов, находимые несовершенным и колеблющимся человеческим рассудком, в этом качестве не представляют ничего безусловного и, как дело человеческих рук, могут составлять предмет спора и разномыслия и подлежат историческому изменению.

Два основных принципиальных вопроса ставятся для разрешения пред экономической мыслью: вопрос об успешности человеческого труда, или о развитии производительных сил человечества, т.е. о прогрессе экономическом, и вопрос о распределении производимых благ в обществе и о справедливом устройстве экономических отношений людей между собою, т.е. о прогрессе социальном.

Что касается первого вопроса, то общие принципиальные основания для его разрешения даны уже в предыдущем изложении. Если справедливо, что экономический прогресс необходим для роста человеческого духа, для освобождения его от рабства мертвым стихиям мира в целях деятельности духовной, для одухотворения мертвых сил природы, то содействие такому прогрессу есть вполне христианская задача, к которой не должен отнестись индифферентно ни один христианин. Кроме того, не надо забывать, что застоя вообще не знает жизнь, движение же возможно только или вперед, или назад. Экономический же застой или регресс, при естественном росте населения, обрекает его на все ужасы голодания, одичания и, в конце концов, вымирания. Кто решится, напр., отрицать, что экономический прогресс для нашего периодически голодающего теперь крестьянства есть настоятельная задача, которую не может отвергнуть всякий, способный сочувствовать человеческим страданиям, а тем более христианин, с высшей для него заповедью любви. Таким образом, христианское воззрение на экономический прогресс или на рост производительности труда и народного богатства совершенно совпадает здесь с обычным, распространенным в политической экономии, воззрением. Есть, однако, существенная и принципиальная разница. Тогда как для языческой политической экономии (а таковой она является в большинстве случаев) рост богатств признается сам себе целью и оценивается с точки зрения возможности тех наслаждений, которые можно при помощи его извлекать (таково чисто гедонистическое, эпикурейское понимание жизни, которое лежит в основе и современного языческого социализма), для христианства рост богатств представляет благо только как средство освобождения человеческого духа. В богатстве всегда заключена возможность искушения, нехристианского отношения к нему, духовного гедонистического плена. Объективно это выражается в известном направлении производительного труда, в росте производства предметов роскоши (т.е. того, что считается и фактически является роскошью для данного времени), а это может приводить в дальнейшем к упадку и самого хозяйства. Поэтому не всякий экономический прогресс является желательным и добрым с христианской точки зрения, извращениям высокой и утонченной материальной культуры следует предпочесть иногда патриархальную грубость с ее нерастраченными и неотрав-

ленными силами. Исповедуя, что мир во зле лежит, и что зло существует прежде всего как явление духовное, с которым необходимо вести неослабную борьбу, христианская политическая экономия вносит в оценку экономического прогресса и связанного с ним роста потребностей чисто аскетический корректив, учит быть всегда настороже, чтоб не оказаться в духовном плену от богатства. Итак, рост богатства и, соответственно, потребностей с христианской точки зрения допустим и желателен как условие духовного роста отдельной личности и всего человечества, но не как источник низких, хотя бы и утонченных, наслаждений, грубых, хотя бы и культурных, страстей. Народное богатство может быть путем и свободы, и рабства, потому нужно бояться его искушений, и добровольная бедность, подвиг св. Франциска Ассизского, останется навсегда для христианства возвышенным и манящим образом личной победы над искушениями богатства. Но не надо забывать, что для возможности свободного личного подвига отречения от богатства необходимо отсутствие бедности недобровольной, народнохозяйственной.

Еще более бесспорным следует признать второе ограничение основного догмата языческой политической экономии о росте богатств. Он не должен покупаться насильственными средствами, путем замучивания людей, разбойничества и грабежа. К сожалению (как мы еще увидим), этот путь является самым обычным и часто наблюдающимся в истории, да и по сейчас он не оставлен цивилизованным человечеством не только во внутреннем капиталистическом рабстве, связанном с современной организацией производства, но и в так называемой колониальной политике, которая есть ни что иное как форма международного разбоя и грабежа. Цивилизованные государства наперерыв друг перед другом стремятся оружием захватить области, принадлежащие более слабым в военном отношении народам, с тем, чтобы грабить их (или, по более вежливому выражению, эксплуатировать колонии). Такой же была и русская авантюра относительно Манчжурии, хотя и не удавшаяся и так дорого стоившая русскому народу. Для народа-грабителя «колониальное хозяйство» есть необыкновенно выгодная статья и очень действительное средство роста народного богатства, и оно на этом основании одобряется и даже рекомендуется некоторыми политэкономами. Христианская политическая экономия может отнестись к нему только с самым резким и решительным осуждением, ибо она благословляет народный труд, но не народный разбой. Итак, в области экономической политики критерием она выставляет здоровый хозяйственный прогресс, на основе развития полезных отраслей народного труда.

Еще яснее и проще обстоит дело с идеалом и критерием социальной политики. В общественном производстве товаров люди вступают в различные весьма сложные отношения между собою. Возможно и даже обычно, что производство и рост народного богатства благодетельствует не весь народ, а только избранные единицы. Сосредоточиваясь в их руках, богатство становится средством порабощения остальной части населения. Таким образом, наряду с ростом народного богатства и в процессе его производства создается социальная бедность, и богатство, скопываясь в немногих руках, выковывает новые цепи эксплуатации, горя и нужды. Параллельно с экономическим богатством растет и социальная бедность, и богатство, вместо средства освобождения человечества, становится

новым средством его порабощения. Для христианства, а, следовательно, и для христианской политической экономии, возможно только одно, именно резко отрицательное отношение к этой эксплуатации человека человеком и к накоплению неправедных богатств. Путь, который указывает здесь христианство, есть путь социальной любви, свободы, равенства и братства. Поэтому христианская политическая экономия имеет своей естественной и неустранимой задачей выработку социальных преобразований в духе указанного идеала. Об этом много будем говорить ниже.

Итак, если обобщить задачи христианской политической экономии и поставить их в связь с общей задачей, которая должна быть руководящей во всем и для каждого христианина, — с исканием Царства Божьего, то они выразятся так: христианская политическая экономия ищет осуществления Царства Божьего, свободы, правды и любви в экономической жизни, в области социальной и экономической политики. Никакого иного идеала христианин иметь не может, но он должен стремиться творчески применять его к новым и новым областям усложняющейся жизни и освещать ее темные еще области, а в частности и экономическую жизнь.

Задачу христианской политической экономии иначе можно определить еще так: она призвана освещать исторический путь социальной любви. Христианство не знает заповеди выше любви, по указанию Евангелия, Господь спросит нас в оный день о делах практической любви к ближнему, я готов сказать, социальной любви: накормили ли мы голодного, напоили ли алчущего, одели ли нагого, посетили ли больного и заключенного в тюрьме. Доселе христианство понимало и выполняло эту заповедь в форме исключительно личного подвига, но не социального делания. При более простых общественно-экономических отношениях прежнего времени, может быть, это понимание и соответствовало его жизненным потребностям, и наилучшим выполнением евангельской заповеди действительно было буквальное. Тогда дело практической любви сводилось к элементарной благотворительности и личной доброте (так понимала ее и наша старая Русь). В настоящее время такое понимание совершенно не соответствует потребностям жизни с ее сложными социальными отношениями. Не отрицая значения личного подвига и личного служения, которое вообще неустранимо для христианства, мы должны стремиться понять Христову заповедь шире и применить ее не только к лицам и личным отношениям, но и к учреждениям, которые воплощают в себе нравственную идею, служат добру или злу, любви или ненависти и в то же время по своему влиянию на жизнь могущественнее личного добро делания. Добросовестное и вдумчивое желание честно исполнить заповедь Христову неизбежно заставит задуматься и о смысле того экономического строя, при котором мы живем, и определить свое к нему отношение. Для деятельной любви, кроме личного подвига и наряду с ним, открывается путь социальных преобразований, на который трудно вступить без руководства социальной науки, в частности, политической экономии, она играет роль своего рода Беатриче, проводящей современного Вергилия через ад и чистилище, становится наукой социальной любви.

Против выраженных мыслей возражают часто по неведению или недоразумению, но иногда и принципиально, вследствие своеобразного понимания

христианства и его задач. Сторонники индивидуалистического понимания христианства, в котором объединяются, с одной стороны монашеско-аскетическое направление, а с другой — толстовство, всю задачу христианства видят в преследовании личного спасения и усовершенствования. Они раздробляют совокупное человечество, «тело Христово», на отдельные атомы и беззаботно относятся к историческим задачам и исторической жизни единого, связанного круговой порукой общего греха и общего спасения человечества. Протестуя совершенно справедливо против распространенного суеверия о всемогуществе учреждений, одной реформы которых будто бы достаточно для спасения и исцеления человечества, они впадают в противоположную крайность, объявляя личность всесильной и всемогущей и изолируя ее, таким образом, от связи с цельным человечеством. Идеал Царства Божьего у них не включает в себя земного исторического процесса, а касается только личной жизни каждого. Вполне последовательно провести эту точку зрения невозможно, и представители ее совершают, не замечая того, ряд от нее отступлений и впадают в грубые противоречия. Граф Л. Н. Толстой, напр., проповедует совершенно определенный проект социальной реформы, сводящейся к национализации земли согласно идеям американского писателя Генри Джорджа. А проповедники личного усовершенствования из лагеря охранителей поддерживают обыкновенно существующий строй (напр., самодержавие в России), как бы преступен он ни был по своему воздействию на жизнь. Итак, определение политической экономии, как науки социальной любви и прикладной этики, не только не является каким-либо новшеством и праздным измышлением, но соответствует тем общим задачам, которые ставит для христианина евангельская заповедь любви. Смысл этого определения будет раскрываться, надеемся, в дальнейшем изложении.

§ 3. Границы политической экономии

Забегая вперед, поставим теперь же вопрос, ответ на который может явиться только в конце исследования: какие окончательные результаты экономической науки? Каков характер тех указаний, которые могут быть почерпнуты из данных политической экономии? Поставить особо этот вопрос полезно потому, что именно относительно его в настоящее время господствуют весьма и извращенные представления, в которых сильно преувеличивается действительная компетенция политической экономии и ей приписываются свойства какой-то социальной магии, между тем как на самом деле она представляет систематизированные наблюдения над экономической жизнью, хотя и позволяющие устанавливать довольно правдоподобные предположения и заключения иногда и относительно разных практических вопросов, но во всяком случае далекие от определенности так называемых точных наук. Последние вооружают человека мерой и весом, между тем как политическая экономия заменяет как бы собственный жизненный опыт, делает вас подобным опытному человеку, много видевшему и наблюдавшему, с большой вдумчивостью относившемуся к жизни, способному подать хороший совет, но и только. Поэтому-то на рецептах, даваемых политической экономией, неизбежно лежит печать субъективности, вольного личного творчества, потому-то так нелегко достигается здесь

единогласие и господствует такой разброд во мнениях, так что нередко люди одинаково компетентные и в общем единомышленные по-разному разрешают один и тот же частный экономический вопрос. В политической экономии нет зрелища более обычного, нежели это. Политическая экономия разделяет здесь общую участь прикладных наук, да еще с той особенностью, что вследствие характера ее проблем, связанных с самыми животрепещущими вопросами дня, в ней субъективизм и, так сказать, свободное усмотрение, интересы и страсти влияют больше, чем где бы то ни было, и это одно уже заставляет относиться к ее выводам с особенно недоверчивой осторожностью. В наших глазах это не умаляет значения политической экономии, как цена знания, ума и опыта не умаляется от того, что их обладатель еще не становится по тому самому всезнающим пророком. Характерной особенностью нашего века является то, что, утратив веру в пророчества боговдохновенные, он с тем большей жадностью ищет пророчеств человеческих и с необыкновенной легкостью отдается суевериям относительно способности социальной науки предсказывать будущее и прорывать его загадочную завесу хотя бы научным путем. (Таким суеверием является распространенное в наши дни учение «научного социализма», в котором якобы точным научным путем, с «естественной необходимостью», предсказывается наступление социалистического строя.)

Для христианина, для которого будущее человечества, его предназначение и конечный удел раскрыты в Откровении и который твердо верит вместе с тем в Промысл Божий, ведущий историю человечества, совершенно нет потребности вырывать у науки предсказания будущего во что бы то ни стало. Для христианина нужно знать свою конечную цель и ближайший шаг, который ему предстоит в данный момент сделать, промежуточный же путь и практические результаты своей деятельности он может спокойно доверить Вышней воле. Напротив, неверующего более всего беспокоят эти результаты, и от этого беспокойства он ищет освободиться путем якобы научных предсказаний и тем, несомненно, вредит и науке, ставя ей несвойственные и непосильные ей задачи. Здесь мы видим, между прочим, один из примеров того влияния, какое оказывается религиозным мировоззрением и на чисто научное исследование. Политическая экономия не раз выставляла притязание предсказывать будущее по образцу точных наук, и оно поддерживалось до известной степени тем, что в некоторых элементарных проявлениях человеческой жизни, обследуемых статистическим путем, значит, более или менее точным методом, наблюдается некоторое грубое и приблизительное единообразие и повторяемость, дающие возможность предсказания (чем пользуются и практически, напр. страховые общества). Но эти частности не должны вводить в соблазн, и нужно заявить решительно, что политическая экономия, равно как и вся социальная наука, предсказывать будущее, т.е. в точности устанавливать грядущие события в определенных рамках пространства и времени, не может, а о предсказаниях можно говорить исключительно лишь при этом условии точности и определенности. Обычно за предсказания принимаются более или менее неопределенные общие суждения, в которых устанавливается какая-нибудь общая черта или особенность условий данного времени, и затем делается предположительное заключение о том, каким будет ход событий, если эта его особенность будет единственной или господ-

ствующей. Это гипотетическое обобщение называют «тенденцией развития», не связывая, однако, обычно с этим выражением никакого точного и отчетливого представления, так что выгоднее для науки было бы, быть может, совсем изгнать этот логический фетиш.

Особенный соблазн и неясность вносит в политическую экономию метод исторических аналогий или, проще говоря, стремление предсказывать будущее одной страны на основании истории другой в силу частного сходства, существующего между некоторыми сторонами истории той или другой страны.

Конечно, такое сопоставление, поскольку в нем устанавливается это сходство и различие, полезно для освещения данного положения, для раскрытия в нем новых сторон и более глубокого его понимания, но исторические события не повторяются. История индивидуальна, и этих-то индивидуальных отличий, в которых и заключается, может быть, самая основная особенность истории данной страны, нельзя уловить историческими аналогиями, а чтобы охватить, взвесить и предсказать течение индивидуальных событий во всей их сложности, не хватит человеческих сил, ибо это невозможно даже относительно событий мира физического, если взять их во всей сложности, между тем как в истории действует не только механическая причинность, но и человеческая воля, наша собственная личность. Будущее представляется нам не только как результат объективных, в нашей воле лежащих, причин и следствий, но и наших собственных действий, проявлений нашей индивидуальности. В своем сознании, как живая, чувствующая и волящая личность, я не могу отделаться, даже если бы этого хотел (независимо от того или иного метафизического решения вопроса о свободе воли по существу), от представления о свободе моей воли, в смысле способности поступить и так, и иначе, и тем самым в том или ином смысле определить дальнейший ход истории. Подобным же образом способность свободного хотения в смысле возможности поступать так или иначе я предполагаю и за другими живыми людьми, к которым обращаюсь с увещанием, убеждением, обличением. Поэтому представление о ходе будущего как необходимо предопределенном (а, стало быть, и возможность предвидения этого будущего) может быть доступно сверхчеловеческому существу, извне наблюдающему ход истории, но просто не может вписаться в нашу голову одновременно с представлением о свободе выбора, об историческом творчестве, где творцами являемся и мы сами.

Поэтому познание будущего, наступающего с «естественной необходимостью» (о которой постоянно говорится в марксизме), т.е. по законам механической причинности, но не человеческой воли, для нас — закрыто, и будущее представляется нам не только как необходимое, но и как должное, не только как необходимость, но и как свобода.

Свобода принадлежит только хотению; с того момента, как принято известное решение, человеку приходится считаться с необходимостью, учитьвающей так или иначе его поступки и очерчивающей для них сравнительно узкий круг с теми общими условиями и устоями, которые характеризуют данное общество и время. Конечно, эти условия и устои и сами не представляют чего-либо неизменного и подвергаются, хотя и медленно, преобразованиям и развитию. Эти-то общие условия обычно и имеются в виду, когда говорят о «железном

законе развития», о «неотвратимой необходимости» и т.п. Все эти гиперболы отмечают простой факт влияния общих условий в данную минуту, но при этом не может быть в точности предопределена ни степень влияния этих условий, ни сама их прочность. Поэтому ко всем заверениям и ссылкам на «научно познанный закон развития» следует относиться в высшей степени критически и видеть в них или род недоразумения — результат незрелости мысли, или же просто агитационную фразу. Чем менее сознательна, чем инстинктивнее данная сторона хозяйственной деятельности человека, тем отчетливее можно наблюдать для данного момента влияние общих условий жизни, и тем закономернее, проще, однообразнее представляется жизнь человечества, если рассматривать ее именно с этой стороны. На этой особенности основывается, между прочим, успешное приложение массовых наблюдений или статистического метода, который в таких случаях дает удивительные результаты, но или не приложим, или ведет к совершенно неверным результатам в случае распространения на области, ему не соответствующие. Говорить подробнее об этом мы не будем, заметим лишь, что подсчет, язык цифр вообще весьма употребителен в экономической науке не только в целях исследования, но и в целях точного изложения данных хозяйственной жизни. Экономист так же охотно прибегает к таблице (а, может быть, и злоупотребляет ею), как математик к формуле.

Заканчивая эти общие вводные замечания, скажем несколько слов относительно объема содержания нашей науки. Очевидно, наука эта развивается параллельно тому развитию хозяйственной жизни, за которой она следит, и параллельно практическим нуждам, потребностям социальной и экономической техники. Как во всяком ремесле, как в медицине, как в любой прикладной отрасли знания, здесь постоянно выделяются и развиваются все новые отрасли, которые, усложняясь, требуют специального изучения. И в настоящее время общее содержание политической экономии настолько усложнилось, что быть специалистом по всем ее отделам давно уже стало практической невозможностью, и таких теперь нет. Обычно каждый экономист знает хорошо только один какой-нибудь уголок своей специальности, имея лишь слабое знакомство с другими. Однако, кроме этих специальных уголков, есть еще и общая область, объединяющая более или менее всех. Область эта — изучение наиболее основных условий хозяйственного быта, самого общего плана того здания, отдельными уголками которого заведуют специалисты. Эта-то общая теория, изучающая народное хозяйство в самых основных его определениях, и излагается обыкновенно в общих курсах для самообразования.